4й
фут.

Крученых,
Тайные пороки
академиков
1916

б/обкож

Экз. деф.

Древніе цѣнили, если на писаніи не отражалась... лампа, т.-е. если не было явныхъ слѣдовъ большого, кропотливаго труда. И въ данномъ предпріятіи, думается, лампа отражается менѣе, чѣмъ это могло быть: вѣдь за безыскусственной, кратко-скупой, чисто «дѣловой» формой кроется большая, разнообразная работа. Ни одно сужденіе не высказано на вѣру, безъ личнаго непосредственнаго удостовѣренія; элементъ случайнаго сведенъ, насколько это вообще возможно, до минимума; значительной порукой если не отсутствія (наврядъ ли это достижимо и желательно), то выдержаннаго субъективизма является то обстоятельство, что книга написана однимъ лицомъ, aus einem Guss *).

Недостатки и недочеты будутъ, нужно надѣяться, своевременно раскрыты и освѣщены педагогической критикой, теперь же, напутствуя эту книгу о книгахъ, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ предварительныхъ впечатлѣніяхъ отъ нея, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя впечатлѣнія вполнѣ неожиданны.

Къ рубрикѣ неожиданностей, конечно, не относится тотъ фактъ, что изъ цѣлаго сонма книгъ выбрать, въ концѣ концовъ,

---

*) Въ началѣ (еще осенью 1910 г.) предполагалось, собственно, коллективное осуществленіе. Идея книги возникла, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ педагогическихъ заданій, въ исторической секціи Педагогическаго Общества при Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Въ установленіи принциповъ дѣятельное и энергическое участіе принимали О. Т. Гаврилова, О. А. Иванова-Федорова, В. П. Кругликова, Е. С. Полякова, а нѣкоторые отзывы о книгахъ даны М. В. Бейеръ и С. Л Леви. Но затѣмъ, въ силу различныхъ обстоятельствъ академическаго, общественнаго и личнаго характера, работа цѣликомъ перешла въ однѣ руки.

пришлось не много. Тутъ повторилась старая истина: много званныхъ, но мало избранныхъ; и такъ было всегда.

Заставляетъ задуматься другое обстоятельство: неожиданно неравномѣрное распредѣленіе матеріала по отдѣльнымъ эпохамъ. Не показательно ли, что для тѣхъ эпохъ, которымъ и до сихъ поръ удѣляется необычайно много мѣста въ школѣ, именно для античнаго міра,—почти нѣтъ *никакихъ* книгъ, въ то время какъ періоды, лишь недавно получившіе право школьнаго гражданства, представлены, какъ, напримѣръ, первобытная культура, прямо-таки богато.

Какой-же отсюда выводъ? простое ли обращеніе къ лицамъ, владѣющимъ перомъ: memento scribere? Конечно; но не только это.

Полное отсутствіе беллетристической разработки сюжетовъ греческой исторіи не можетъ быть объяснено случайностью. Поводовъ писать на греческія темы всегда было болѣе чѣмъ достаточно. Изученіе античнаго міра усиленно культивировалось не одинъ десятокъ лѣтъ, а колоритность и полная пригодность эпохи для беллетристическаго воспроизведенія навряд ли кѣмъ-либо оспаривались. Очевидно, корни этого своеобразнаго, систематически проведеннаго, невниманія чрезвычайно глубоки и серьезны. Не сказывается ли здѣсь здоровый инстинктъ реальнаго, молчаливый, но тѣмъ болѣе краснорѣчивый, протестъ противъ обычнаго, «узаконеннаго» пониманія того же греческаго міра? Гармоніи души и тѣла, личности и общества-государства, безоблачность пейзажа и мысли, вѣчно неизмѣнная красота, обязательная «типичность» греческаго историческаго процесса,—какъ разъ именно эта предусмотрѣнная примѣрность всего эллинскаго и вызвала, быть можетъ,.. краснорѣчивое молчаніе. Беллетристъ не дерзалъ претворить въ грубо-тѣлесное, осязаемое великіе образы Греціи, свѣтлаго Аида, наполненнаго обаятельными тѣнями, далекими отъ насъ и нашего пониманія. Чутье художника-реалиста оказалось острѣе и правдивѣе знанія обычнаго историка.

Теперь, думается, пришла пора нарушить молчаніе и относительно Эллады, и относительно многихъ другихъ эпохъ и народовъ. Мы настолько окрѣпли критически, настолько обо-

гатились новымъ матеріаломъ, что трактовка многихъ эпохъ можетъ и должна быть въ значительной степени пересмотрѣна, углублена, сдѣлана реальнѣе и, во всѣхъ отношеніяхъ, плодотворнѣе. Здѣсь, конечно, не мѣсто углубляться въ проблему необходимаго реформизма; достаточно, что и на почвѣ данной спеціальной книги нельзя не прійти къ заключенію, что something is rotten in the state of Denmark.

Д. Егоровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Зачѣмъ нужна историческая беллетристика въ школѣ? Отвѣтовъ много. Во-первыхъ, она возбуждаетъ интересъ къ исторіи. Это—фактъ несомнѣнный, и мы не будемъ на немъ останавливаться. Во-вторыхъ, она облегчаетъ усвоеніе фактическаго матеріала. Запомнить имена царствующихъ лицъ и выдающихся дѣятелей, размѣстить ихъ въ правильной хронологической перспективѣ, пріурочить къ нимъ важнѣйшія событія, значитъ—создать себѣ твердую историческую канву. Возможность получить такую канву безъ усилія памяти, путемъ чтенія интересной книжки, является большимъ облегченіемъ и для учителя, и для ученика.

Но не эту сторону дѣла имѣли мы въ виду, когда предпринимали предлагаемую работу. Школьное преподаваніе отражаетъ господствующіе научные вкусы, а для современной исторической науки характерно стремленіе изобразить жизнь народа въ систематическомъ разрѣзѣ, схвативъ моментъ относительнаго покоя, повышенный интересъ къ изученію медленно протекающихъ процессовъ, а не единичныхъ, конкретныхъ событій.

Такая исторія содержитъ очень много общихъ понятій и общихъ выводовъ. Чѣмъ элементарнѣе курсъ—тѣмъ шире становятся обобщенія. Но общее понятіе и общій выводъ цѣнны только, какъ символы для ряда единичныхъ представленій и конкретныхъ фактовъ, скрывающихся за ними. Нѣтъ этого ряда—и символъ превращается въ безсодержательный значекъ, съ которымъ можно дѣлать какія угодно словесныя построенія, но безсильный дать истинное живое знаніе. Откуда же взять этотъ рядъ единичныхъ представленій и фактовъ? Учитель получаетъ его изъ чтенія научныхъ книгъ и первоисточниковъ. Но ученикъ? Тутъ-то и при-

ходится обратиться къ исторической беллетристикѣ. Въ романѣ ученикъ найдетъ рядъ конкретныхъ представленій и фактовъ и, опираясь на нихъ, пойдетъ правильнымъ логическимъ путемъ, отъ единичнаго къ общему. Педагогическій пріемъ заключается въ томъ, что самый матеріалъ, предлагаемый ученику, уже обработанъ въ предвидѣніи будущихъ выводовъ, представляя рядъ фактовъ не только единичныхъ, но типизированныхъ и тѣмъ самымъ настойчиво приводящихъ къ заранѣе опредѣленному выводу. Такъ, объясняя физическій законъ, ученика заставляютъ повторить весь логическій ходъ мыслей, приведшій къ открытію этого закона, но дѣлаютъ это на простѣйшемъ примѣрѣ, заранѣе разсчитанномъ такъ, чтобы прійти къ желаемому выводу съ наименьшимъ треніемъ. Какимъ именно образомъ произойдетъ эта работа обобщенія—въ разсказѣ ли учителя, вплетающаго въ свое изложеніе напоминаніе о конкретныхъ фактахъ въ той или другой книгѣ, заранѣе прочитанной учениками; или въ совмѣстной классной работѣ, путемъ наводящихъ вопросовъ учителя; или самостоятельнымъ усиліемъ ученика, пишущаго сочиненіе по заранѣе подобранному матеріалу—все это уже вопросы о пріемахъ преподаванія, которыхъ мы здѣсь не будемъ касаться. Для насъ важно отмѣтить, что историческая беллетристика даетъ матеріалъ, необходимый для того, чтобы обезпечить правильный логическій ходъ мышленія при изученіи исторіи въ средней школѣ.

Но это еще не все. Есть другой элементъ историческаго познанія, мало доступный дѣтскому пониманію при обыкновенныхъ условіяхъ. Я имѣю въ виду чувства и настроенія, съ которыми такъ часто приходится имѣть дѣло при изученіи явленій духовной культуры. Какъ нельзя объяснить слѣпому разницу цвѣтовъ, такъ же нельзя объяснить и разсказать какое-нибудь чувство. Чувство нужно пережить лично или по симпатіи, иначе слово, его обозначающее, будетъ пустымъ словомъ, лишеннымъ всякаго содержанія. Для психологіи ребенка этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ особое значеніе въ виду ограниченности его личнаго опыта и присущей ему эгоцентричности. И тутъ историческая беллетристика можетъ оказать преподавателю исторіи большую услугу, заставляя ученика непосредственно переживать самыя разно-

образныя чувства и настроенія, и притомъ чрезвычайно интенсивно.

Кромѣ того, чтеніе исторической беллетристики даетъ ученикамъ то, что называютъ «колоритомъ эпохи», т. е. общее впечатлѣніе отъ особенностей быта, костюма, своеобразныхъ оттѣнковъ языка, иногда даже мысли и чувства, словомъ—тотъ «духъ живъ», который взрослый человѣкъ ищетъ и находитъ въ первоисточникахъ, и иногда — не слишкомъ часто — въ спеціальныхъ научныхъ трудахъ.

Цѣль предлагаемой работы—выбрать изъ массы наличной исторической беллетристики матеріалъ, пригодный для иллюстраціи школьнаго преподаванія исторіи, и именно исторіи культурной, принимая это слово въ его наиболѣе широкомъ значеніи (экономическая жизнь, соціальный и политическій строй, явленія духовной культуры, бытъ и пр.). Такимъ образомъ, сразу отпадаетъ цѣлый разрядъ книгъ, а именно произведенія, дающія только разсказъ о событіяхъ и характеристики выдающихся личностей. Подробное разсмотрѣніе такихъ книгъ, хотя бы очень цѣнныхъ по научности и художественной красотѣ и вполнѣ пригодныхъ для дѣтскаго чтенія, съ самаго начала не входило въ планъ нашей работы (эти книги помѣщены въ общемъ алфавитномъ указателѣ).

Въ предѣлахъ отмежеванной области былъ произведенъ довольно строгій отборъ, причемъ къ каждой разсматриваемой книгѣ прилагалась троякая мѣрка—научная, педагогическая и художественная. Книги, не научныя по содержанію и общимъ точкамъ зрѣнія совсѣмъ не входили въ указатель (кромѣ алфавитнаго); мелкія погрѣшности, иногда попадавшіяся въ очень хорошихъ книгахъ, отмѣчались въ отзывахъ. Съ точки зрѣнія педагогической мы предъявляли къ каждой книгѣ два требованія: чтобы она была интересна и чтобы соотвѣтствовала возрасту ученика. Возрастныя рамки, такимъ образомъ, оказались величиной перемѣнной, въ зависимости отъ класса, въ которомъ проходится та или иная историческая эпоха. Слѣдуетъ отмѣтить, что эти возрастныя рамки брались чрезвычайно широко, имѣя въ виду какъ индивидуальныя особенности учениковъ, такъ и различія въ программѣ и общемъ уровнѣ развитія, наблюдаемыя въ

школахъ разнаго типа. Крайніе полюсы (въ направленіи трудности или, наоборотъ, элементарности изложенія) отмѣчались въ отзывахъ. Что касается критерія художественности, то мы не могли, конечно, установить теоретическихъ принциповъ выбора, т. к. эстетическая оцѣнка неизбѣжно заключаетъ въ себѣ элементъ субъективности. Достаточно отмѣтить, что вопросъ о художественной цѣнности той или иной книги никогда не упускался изъ виду. Краткія замѣтки: «книга очень художественна» и т. п., которыми снабжены нѣкоторые отзывы, являются совершенно несистематичными; онѣ, большею частью, отмѣчаютъ произведенія мало извѣстныхъ авторовъ, которыя по своимъ литературнымъ достоинствамъ возвышаются надъ среднимъ уровнемъ. Что касается общихъ хронологическихъ рамокъ нашей работы, то оказалось возможнымъ начать ее съ первобытной культуры; конечнымъ періодомъ служитъ XVII вѣкъ. Эта хронологическая грань не является произвольной; она вынуждена прежде всего свойствами матеріала: книги, относящіяся къ XVIII вѣку, являются въ значительной части макулатурой; что касается XIX вѣка, то тутъ, строго говоря, нѣтъ историческаго романа, который какъ бы расплывается въ общей бытовой литературѣ. Кромѣ того, мы думаемъ, что для двухъ старшихъ классовъ историческая беллетристика отступаетъ на задній планъ, замѣняясь уже чтеніемъ нетрудныхъ научныхъ работъ. Что касается объема разработаннаго матеріала, то мы старались захватить все то, что въ данный моментъ находится въ обращеніи (въ большихъ библіотекахъ и на книжномъ рынкѣ). Не претендуя на исчерпывающую полноту, мы думаемъ, однако, что достигли полноты приблизительной, захвативъ почти весь наличный матеріалъ.

Собранный такимъ образомъ матеріалъ представленъ въ нашей книгѣ въ четырехъ видахъ.

Большую часть текста занимаютъ отзывы о рекомендуемыхъ книгахъ, которые (оставляя въ сторонѣ содержаніе романа и указанія на отдѣльныя сценки и типы) стремятся дать краткій перечень историческаго матеріала, содержащагося въ каждомъ отдѣльномъ произведеніи. Отзывы эти нельзя назвать систематичными, т. к. они не опираются на предварительно выработанную об-

шую схему. Наоборотъ, каждый отзывъ составлялся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что прочитанной книги, и самая внѣшняя форма его (расположеніе матеріала) въ значительной степени опредѣлялась этимъ впечатлѣніемъ. Вотъ почему рубрики и цифры, введенныя въ отзывы, не служатъ выраженіемъ какой-либо системы, а должны лишь облегчать чтеніе.

Планомѣрную группировку матеріала по явленіямъ мы предлагаемъ въ «Систематической сводкѣ», причемъ однако неизбѣжно стирались нѣкоторыя индивидуальныя особенности той или иной книги.

Въ алфавитномъ указателѣ помѣщены всѣ сочиненія, прошедшія черезъ наши руки. Сочиненія рекомендуемыя снабжены номерами.

Въ прилагаемой таблицѣ книги расположены по рубрикамъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, что даетъ возможность сразу обозрѣть наличный матеріалъ и наглядно указываетъ на имѣющіеся существенные пробѣлы. Разборъ книгъ, составленіе отзывовъ и «Систематической сводки» производились очень тщательно, даже кропотливо. Но впечатлѣніе отъ художественнаго произведенія всегда субъективно, и найти для него строго математическую формулу нельзя. Поэтому, мы не сомнѣваемся, что преподаватель исторіи, взявъ книгу по нашему указанію, можетъ быть найдетъ въ ней много больше, чѣмъ сумѣли найти мы.

Но если наша работа можетъ указать ему, гдѣ слѣдуетъ искать нужнаго матеріала, то мы будемъ считать свою задачу исполненной.

Д. Зандбергъ.

Москва 23 апрѣля 1912 года.

Поэту

ты поэтъ неизмѣнно-тлѣнной
ночи

Загадочны твои очи.

Очи, что ночи, ночи, что очи.

Будутъ прокляты вчерашняго д
предтечи.

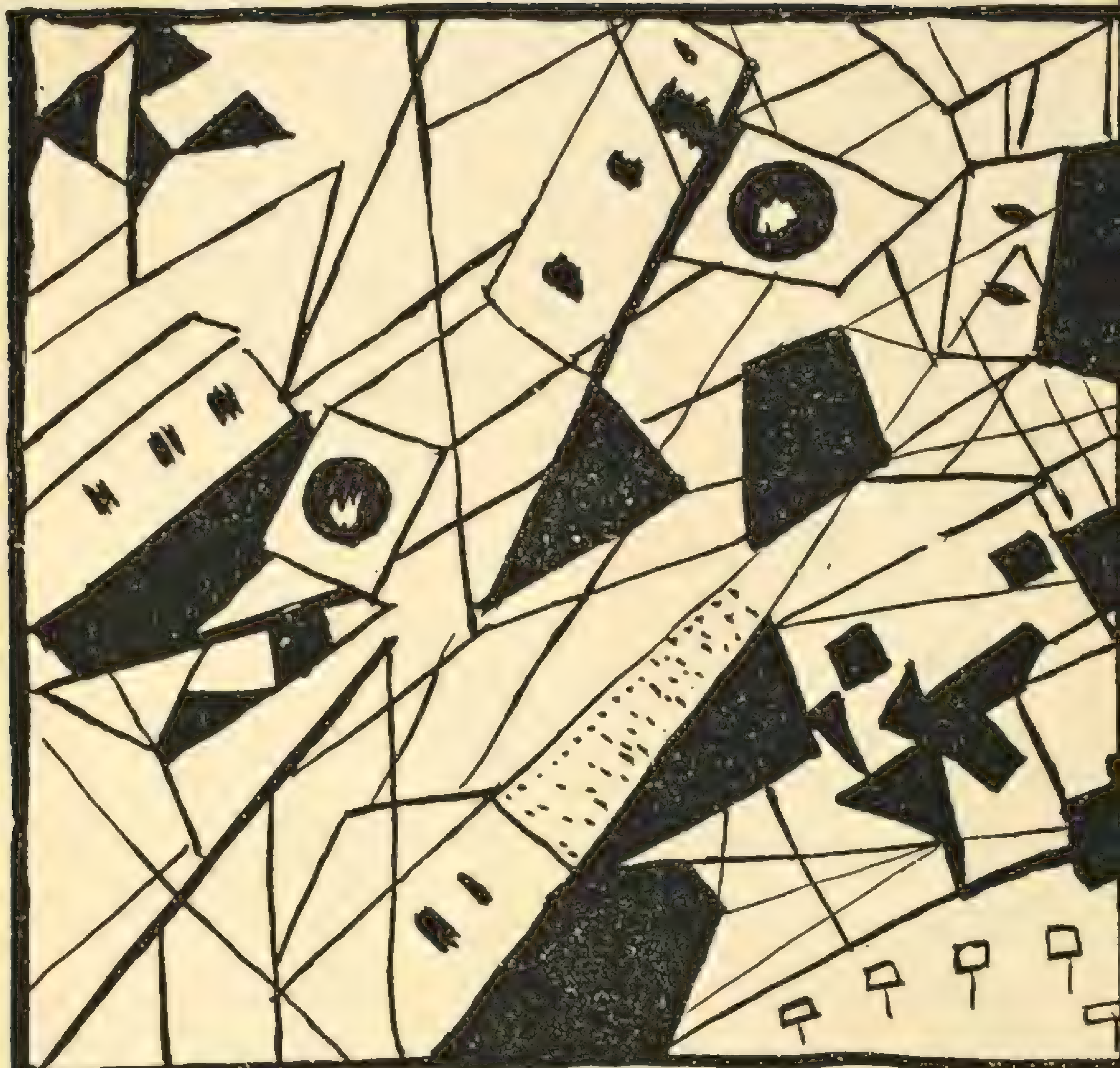
Корабли ихъ дали ужъ течи

Нашъ-же корабль несется въ
море

Облекая враговъ въ трагизм

Имя наше:

нео-футуризмъ!

моментальныя разложенія
плоскостей, интродукци-
рованныя с шести точек
зрѣнія (свобдн. рисунок)
„Городъ и человѣкъ"
І. Михельсон.

ГУД ПаРОВОЗ

На ПОД'ЕМ

СВИСТО

СЯИН

ЛЯ

К

БОРО

ЧОРО

ДВа

ОДИН

ГаМ

ШаМ

Га

ГИШ!

БОРО СОРКО Ба

